

Первомайские праздники на Урале в годы НЭПа

Праздничная культура отражает не только предпочитаемые горожанами формы досуга, но и ценностную систему общества.

С.В. Голикова указывает, что в XVIII–XIX вв. на горнозаводском Урале существовало несколько традиций проведения праздников: церковная, народная, официальная государственная, городская. Понятие «праздник» было многообразным, так как оно обозначало и веки православной жизни, и важнейшие дни народного, практического календаря, и события трудового процесса (4; 181, 208).

Самым большим церковным праздником весене – летнего периода была Пасха, когда на неделе парни и девушки ходили группами по улицам, пели, замужние женщины собирались на посиделки. К началу XX в. традиционная обрядность сохранялась во многих городских поселениях.

Так, например, в Чердыни наиболее почитались Рождество, Масленица, Пасха, Троица, Прокопьев день (25; 126). Хотя для молодежи праздники все больше играли роль увеселения и часто сопровождались пьянками и хулиганством (4; 181, 208).

В первые годы советской власти религиозные праздники были включены в число официальных. Так, в 1920 г. Екатеринбургский губернский отдел труда установил такие праздничные дни, как **Рождество** (2 дня – 25 и 26 декабря), **Пасха** (2 дня – суббота и понедельник), **Духов день**, **Благовещение**, **Преображение**, **Вознесение**, **Успение** и **Крещение**. Накануне Рождества и Пасхи работу заканчивали в 12 часов дня (1).

Однако уже в 1922–1923 гг. в уральских газетах публикуются заметки о происхождении пасхального праздника с целью умаления его значимости, а также о подготовке молодежью Комсомольской Пасхи.

В 1923 г. Екатеринбургский губнаробраз предписывал день Комсомольской Пасхи считать днем борьбы с религиозными предрассудками. В противовес церковным торжествам планировалось проведение в клубах Ирбита, Егоршино, Надеждинска, Каменска постановок на тему «Происхождение и современный характер Пасхи», «Церковь и государство», «Происхождение миров», «Вечер Коперника», где будут показаны противоречия научных данных и религиозных предрассудков.

В пасхальную неделю проводились общегородские собрания рабочей молодежи, предусматривавшие чтение докладов о сущности и организации Комсомольской Пасхи, а также антирелигиозный вечер с плакатами и инсценировками (20; 6).

В газетах официально было заявлено, что в целом ряде городов рабочие не празднуют воскресений и переносят день отдыха на понедельник. Они отказываются от религиозных праздников, считая Рождеством день рождения Советской республики. Пролетарская же Пасха приходится на праздник 1-е мая (22; 6). Так религиозный праздник постепенно заменяется пролетарским.

История этого праздника насчитывала не один десяток лет. Уже в XIX в. устраивались заводские маевки, ставшие формой воскресного досуга. По мнению С.В. Голиковой, празднование **1 мая** можно признать «успешной попыткой самовыражения социалистического рабочего движения» (4; 200).

В 1905 г. рабочие Екатеринбурга открыто праздновали 1-е мая, организовав городскую демонстрацию (5; 528).

После Октябрьской революции мероприятия, проводимые в этот день, объявленный нерабочим, сочетали политическую направленность и развлечения.

В 1918 г. газеты называли его «днем пролетарской весны», в 1927 – днем Интернационала (15; 1). В постановлении Уральского областного отдела труда от 15 января 1926 г. «О праздничных и особых днях отдыха» **1-е мая** был объявлен праздничным днем в рамках официальной государственной традиции (2).

Перед каждым праздником в губернских городах создавалась центральная комиссия по его подготовке, выпускавшая циркуляры с рекомендациями о проведении тех или иных мероприятий. На уровне организаций, районов, уездов формировались местные комиссии, которые составляли планы празднования и подготовки к нему. На основе этих планов центральной комиссией создавалось единое планирование (9; 19–20).

С помощью листовок, газетных объявлений, докладов призывали участвовать в демонстрации 1 Мая. Праздничные выпуски газет печатались в красном цвете, в них публиковались статьи об истории праздника. Челябинское областное бюро профсоюзов рекомендовало проводить собрания и вечера воспоминаний о «маевках», приуроченные к празднику кампании по ликвидации неграмотности (9; 20).

Рабочие клубы, предприятия и учреждения должны были украшать свои здания. В постановлении Шадринского горсовета от 03 августа 1927 г. предписывалось всем домоуправлениям и домовладельцам украсить свои здания флагами. Существовала такая регламентация: флаги должны быть прямоугольные, красного цвета, длина полотнища не менее 1,4 м, ширина – не более 0,7 м. В летнее время их вывешивали к 7 часам утра, в зимнее – к 9-ти. Они находились на улице до полуночи, после чего их разрешалось снимать и убирать (3). Газета Шадринска в 1925 г. сообщала: «Накануне вече-

ром город празднично горит: знамена, портреты Ильича, световые лозунги на балконах, крышах, окнах.» (16; 4). По городу расклеивались листовки различного содержания и формы, плакаты, портреты вождей. Уже в 1923 г. в Екатеринбурге в дни празднования годовщины октябрьской революции городской театр, дом Октябрьской революции, кино клубы украшались зеленью и флагами, световыми лозунгами. На фасаде городского театра был размещен «новый герб Советского Союза». Украшались также братские могилы, арки, трибуны на пути следования демонстрации (24; 7).

Нарком просвещения А.В. Луначарский придавал народным празднествам большое значение, считая, что они отражают душу народа. По его мнению, праздники должны были делиться на две части: **массовое выступление**, которое предполагает шествие под музыку, движение масс из пригородов к какому – то единому центру, и **«празднество»** более интимного характера, в закрытых помещениях – «революционных кабаре» или в открытых (на платформах, движущихся грузовиках, столах, бочках и т. д.).

В 1920 г. первомайское празднество удачно сочетало и массовое, организованное торжество, и высокие формы труда: древонасаждение, закладка памятников или «зачинание новых построек» (8; 84–87).

В Екатеринбурге, Перми, Уфе, Надеждинске, Красноуфимске, Талицком, Шайтанском, Верхне-Уфалейском заводах состоялись субботники. В Надеждинске прошло торжественное открытие музея природы, кинематографа, парка, летней сцены и радиостанции. В Верхнем Уфалее началось строительство рабочего клуба, в Талицком заводе – «Дома ребенка имени Р.Люксембург» и «Дома старчества» (20; 3).

«Уральский рабочий» красочно описывал первомайское празднество в Екатеринбурге, где на субботнике было занято около 12000 человек. В полдень на площади Коммунаров началось открытие памятников. Около 15 тыс. человек манифестантов продефилировали перед балконом театра им. А. Луначарского, с которого их приветствовали представители партийных и советских организаций.

Каждый год этот день праздновался по-разному. В 1917 г. «на улицы вместе с пролетариями вышли кадеты и банкиры с красной ленточкой в петлице», день 1-е мая 1918 г. прошел в боевой обстановке, а в 1919–1920 гг., как и в Москве, этот день может быть назван «уличным праздником отдыхающего труда.» (19; 3).

К основным формам официального празднования в годы НЭПа можно отнести демонстрации, шествия, парады, карнавалы. Шествия характеризовались широким охватом населения – в них принимали участие тысячи человек. Кульминацией праздника были выступления на трибуне представителей власти, организаций и уп-

равлений. Провозглашалось шефство над частями Красной Армии, молодые армейцы давали «торжественное обещание непоколебимо стоять на защите СССР» (16; 4).

Рядом с предприятиями формировались колонны, отправлявшиеся к центральному месту сбора. Каждая колонна имела свой облик, была оформлена согласно принятой тематике. Например, в первый майский день 1923 г. молодежь прошла по улицам Екатеринбурга группами ряженных с рупорными трубами, факелами. В театре и на улице звучали мевки 1912, 1920 гг., «Шефство комсомола над флотом» (людка на плечах комсомольцев), «Комсомол учиться» (огромная книга, из которой выходят комсомольцы). К месту открытия памятника Я.М.Свердлову в открытых грузовиках, украшенных пихтами и елками, везли детей. Разбрасывал листовки агитационный автомобиль (23; 4).

С годами менялась и тематика карнавалов, которая все более ограничивалась политикой. В 1927 г. в Челябинске окружком партии предлагал устроить шествие с такими карнавальными группами: борьба китайских рабочих и крестьян с буржуазией, борьба советских рабочих и крестьян против военной угрозы СССР, задачи мировой революции. Развивалась и пропагандировалась тема революции, борьбы за освобождение мирового пролетариата (9; 23).

Практически во всех уральских городах праздничная вечерняя программа служила целям развлечения. Например, в Курганских театрах в 1921 г. организовывались спектакли, концерты. В цирке проводились олимпийские игры. В городских садах открывались концертные программы под открытым небом (7; 157). В середине 20-х гг. в Камышлове в этот день проводились вечерние факельные шествия (пускались ракеты и фейерверк). На площади демонстрировали кинокартины (17; 4).

Мероприятия, проводимые в крупных индустриальных центрах и небольших городах, были идентичными, различие состояло только в масштабах празднования.

Новые формы празднования оказывались привлекательными не для всех. Современники говорили о популярности трактиров, которые посещались рабочими так же, как и до революции, в дни религиозных, а теперь и пролетарских праздников. В 1925 г. начальник курганской милиции отмечал, что на Пасху «пьяных было много, весь город был пьян» (6; 4). В Первоуральском заводе комсомольцы были замечены пьяными, в Лысьвенском заводе произошла пьяная драка среди молодежи, в результате чего один человек был убит. Газета «На смену!» сообщала, что пьянством особенно отличается Лысьвенский завод: «1 мая на окраинах был устроен ряд драк с поножовщиной. Пьяных на улице было много и опасно ходить.» (13; 5).

У значительной части горожан формы досуга не изменились. «В праздник жена печет пироги, он нянчится с детьми или идет на базар. После – в парк, в гости к знакомым. Одиноким рабочий идет на базар, толкается, потом идет в чайную. Старичье иногда заглядывает в церковь. Молодежь идет в клубы, на площадку, часть уезжает за город, часть уходит на базар» (18; 110–112).

Поскольку праздники были мощным средством политической пропаганды, задачей партийных организаций становился охват праздничными мероприятиями как можно большего количества людей.

В середине 20-х гг., с усилением в стране антирелигиозной кампании, праздник Пасхи подвергается осуждению и осмеянию. Теперь он открыто противопоставляется первому майским торжествам. Это уже не весенний праздник, а «примирение эксплуататоров и эксплуатируемых», тогда как пролетарские праздники являются демонстрацией силы рабочих, предупреждением миру, что «не вечно трудящиеся будут гнуть спину под палкой буржуазии и помещиков» (11; 3).

Не допускаются карнавалы, демонстрации. В клубах, народных домах, школах и библиотеках создаются «уголки безбожника», где центральное место занимают антирелигиозная литература, статистические материалы в виде диаграмм, сводок, плакаты. Изменяется характер проведения Комсомольской пасхи. В отличие от предыдущих лет она не должна была проходить шумно, празднично, предусматривая лекции и беседы на антирелигиозные и научные темы, музыкальные и драматические выступления (10; 3). Накануне первомайских празднований газеты публиковали статьи о происшествии на пасхальной неделе, подчеркивая неестественность, чужеродность религиозных дат. В то же время встречались заметки с критикой организации Комсомольской пасхи, недоумением по поводу отдыха в этот день представителей партийных и советских организаций, закрытия комклубов (12; 8).

В 1927 г., когда совпали дни Пасхи и первомайских торжеств, было объявлено, что антирелигиозная пропаганда проводится не будет. Все внимание сосредотачивалось на организации праздника 1-е мая и создании кружков безбожников.

Перед местными комиссиями ставилась задача сделать праздник настолько интересным, чтобы он мог привлечь трудящиеся массы, особенно молодежь. В конце апреля на всех предприятиях проводились собрания с обязательным привлечением молодежи. Комсомольские организации должны были участвовать в первомайской демонстрации, а вечером вместе с рабочими клубами организовывать массовые вечера. В газетах отмечалось, что уличных выступлений устраивать не рекомендуется, так как опыт проведения карнавалов был неудачным. Майские торжества проводились в те-

чение нескольких дней. Например, на 2 мая в городах, фабрично-заводских районах были запланированы праздник физкультуры и вечерние развлечения для молодежи (зрелища, кино, театр). На следующий день героями праздника становились дети (14; 8).

Итак, можно сделать вывод, что в 20-е гг. формируется и успешно применяется технология подготовки и проведения массовых праздников, которые оказывали серьезное идеологическое воздействие, прежде всего на молодежь. Религиозные праздники переходят в разряд отвергаемых советской властью. В 30-е гг. ставилась задача искоренения религиозности как неотъемлемой части быта, повседневности. Высмеивались окраска яиц и выпечка куличей на Пасху, церковное венчание или Крещение. Накануне Пасхи на предприятиях проводились доклады и беседы о религии. Первомайские торжества должны были заменить в сознании людей традиционные весенние праздники.

Примечания

1. ГАШ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 168. Л. 50.
2. ГАШ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11.
3. ГАШ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.
4. Голикова С.В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 200.
5. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 528.
6. Красный Курган. 1925. № 45. С. 4.
7. Культура Зауралья: XX в. Хрестоматия. Курган, 2001. С. 157.
8. Луначарский А.В. о массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981. С. 84–87.
9. Мордасова М.А. Из истории праздничных мероприятий Советского Челябинска: праздник Первое мая в 1920–1930-е гг. // Культурная история Челябинска и Челябинской области. Челябинск, 2004. С. 23.
10. На смену! 1925. № 21. С. 3.
11. На смену! 1925. № 22. С. 3.
12. На смену! 1925. № 33. С. 8.
13. На смену! 1925. № 37, 40. С. 5.
14. На смену! 1927. № 32. С. 8.
15. Первое мая // Известия Верхнеуральского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 01.05; ГАШ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.
16. Рабоче-Крестьянская Правда. 1925. № 50. С. 4.
17. Рабоче-Крестьянская Правда. 1925. № 51. С. 4.
18. Троцкий Л.Д. Вопросы быта. М., 1923. С. 110–112.
19. Уральский рабочий. 1920. № 105. С. 3.
20. Уральский рабочий. 1920. № 112. С. 3.
21. Уральский рабочий. 1923. № 76. С. 6.
22. Уральский рабочий. 1923. № 77. С. 6.
23. Уральский рабочий. 1923. № 97. С. 4.
24. Уральский рабочий. 1923. № 252. С. 7.
25. Чагин Г.Н. Общественная жизнь г. Чердыни конца XIX – нач. XX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь.